

Глава 13. О роли маленького человека в политике.

14 июля 1995 г. Поместье Делакуров.

Обед — мое самое любимое время в доме Делакуров, потому что рядом со мной за столом всегда сидит Флёр и нередко просит своим нежным голосом передать ей то или иное блюдо. А когда наши руки сталкиваются над столом, ее щеки чуть заметно алеют, будто электрический разряд передается через сомкнувшиеся пальцы.

После возвращения из заповедника мы старались не афишировать возникшее между нами чувство, — нам достаточно было осознания того, что мы больше не одиноки. Вдобавок полученный от единорога дар хоть изредка передавать друг другу свои эмоции тоже помогал нам очень сильно, иначе на следующий же вечер я бы отправился в комнату Флёр, пожелать ей спокойной ночи и вряд ли ушел бы назад сразу же.

Вернувшись в дом после поездки, я только слегка укоризненно посмотрел в глаза Делакуру-старшему, который, уловив мой намек, словно извиняясь, пожал плечами. Больше мы с ним не показывали, что поняли друг друга. Но я четко осознавал, что если через какое-то время Жан-Клод не поднимет вопрос о моем отношении к его дочери — то я сделаю это сам, самое позднее — в день моего шестнадцатилетия, хотя мне и будет очень трудно выдержать целый год. В отношении же Флёр ко мне, как и в своих чувствах к ней, после произошедшего между нами тем вечером в лесу прорыва эмоций, я не сомневался ни в малейшей степени.

Мои сладостные размышления прервал неожиданный грохот, раздавшийся откуда-то снизу, со стороны входной двери в особняк, вслед за которым послышался рев сигнала тревоги.

— Нападение! — Жан-Клод вскочил на ноги, выхватывая палочку. — Мари, уведи дочерей в женское крыло особняка!

Я рванул следом за политиком, жалея, что Киаран сразу после утренней тренировки отправился по своим делам, и в доме всего два бойца, считая меня.

На полпути в буферную зону на первом этаже, которая привлекла мое внимание еще в первый визит в дом Делакуров, до нас донесся крик, усиленный магией.

— Жан-Клод Делакур, выйди и прими ответ за нанесенные моему роду оскорбления!

— Это Маркус Риордан! — Жан-Клод обернулся ко мне, скороговоркой выплевывая фразы. — Значит, они решились на вендетту, а не стали присылать официальный вызов на дуэль! Мистер Поттер, правила вендетты между семьями просты — женщин и детей не трогают, но мужчин можно убивать, и пострадавший род не будет жаловаться в Министерство. Но постарайтесь все же не убивать, если уцелеете.

Выглянув в буферный зал, мы увидели, что нападавшие, размахивая палочками, теснили единственного выжившего охранника вверх по лестнице, второй охранник, окруженный лужей крови, лежал у ее основания. Впрочем, созданная предками Делакура оборонительная зала уже оправдала свое существование — два бессознательных или мертвых тела уже лежали между кадками цветов, не успев увернуться от заклинаний охраны из-за многочисленных препятствий.

Жан-Клод, оценив обстановку, тут же отправил вниз Бомбарду, осыпавшую осколками всех нападающих магов, среди которых я узнал своего недавнего противника Доменика Риордана. Остальные трое магов, похожие на него — явно его отец с кем-то из ближайших родственников.

В этой бойне я понял еще одно преимущество невербальной магии, которой меня только собирался учить Киаран — её использование не только сэкономило дыхание, но и позволяло на словах оскорблять своего противника, не отвлекаясь на сотворение заклинаний вслух.

Все, что я мог — это на пределе скорости выплетать одно заклинание за другим, стараясь причинить нападавшим максимум неудобств. Вскоре Жан-Клод с охранником были отеснены от меня тремя незнакомыми мне магами, мне же снова выпал в противники Доменик, явно желавший взять реванш за полученное Режущее. На сей раз мой чуть более старший соперник не погнушался защитой от моих ударов, по-прежнему швыряя в меня всё новые и новые темные чары.

Кратчайший миг, на который я замешкался, выходя из очередного прыжка, стоил мне резаной раны на левой руке и пары ожогов на груди, рукав мгновенно стал намокать кровью, руку как будто ошпарило кипятком. Вспомнив очередное наставление учителя, я ударил заклинанием не в своего врага, а в перила рядом с ним, со всех сил отпрыгнув назад. Бомбарда, прилетевшая в деревянные перила, буквально утыкала Доменика щепками, часть из которых все же пробила его защитные заклинания и камзол, так что пока он пытался прийти в себя и отлипнуть от стены, куда его отбросило волной взрыва, я хладнокровно всадил в него подряд Оглушающее, Confundus, а затем и опутал веревками. Палочка поверженного юноши отправилась вниз, закатившись куда-то в угол, а я бросился в сторону прохода, куда отошли, отбиваясь, Жан-Клод и охранник.

Забежав за угол, я едва не споткнулся о валявшиеся тут же слабо шевелящиеся тела охранника и еще одного из нападавших, украшенные совершенно чудовищными ожогами — в ход пошли огненные заклинания стихийной магии. Чуть дальше по коридору Делакур, весь покрытый подпалинами от прорвавшихся сквозь щит языков пламени, с трудом отбивался от двух уцелевших противников.

— Insendio! — сдвоенный крик Риорданов.

На моих глазах, Жан-Клод выставил щит, отводя в сторону мощнейший поток огня, вырвавшийся сразу из двух палочек, но было видно, что его заклинание вот-вот распадется, и на месте моего возможного тестя окажется обгорелый труп.

— BombardaMa-Xima, — развернувшийся мужчина, родственник продолжавшего дожимать Делакура Риордана-старшего, выставил было щит, но мой удар, в который я вложил большую часть оставшихся сил, проломил зеленоватую сферу, угодив ему прямо в живот.

Спустя долю мгновения на мое лицо попали брызги, в которых я, поднеся руку, с ужасом узнал кровь. Перерубленное пополам тело упало на пол, второго мужчину бросило на стену, по которой он сполз, оставляя багровый след на резных панелях. Жан-Клод, добавив выжившему противнику проблем с помощью нескольких Оглушающих подряд, с облегчением опустил палочку, направляясь ко мне.

Я тупо смотрел на распространявшее отвратительный запах крови и дерьма перерубленное тело, на забрызганный красными пятнами коридор, отказываясь верить увиденному. К горлу все сильнее подкатывал комок. Я убил человека. Я убил. Человека. Я. Убил. Человека. Сознание милосердно покинуло меня.

Как мне потом рассказал Киаран, пролежал без сознания я пару часов. За это время в дом ворвался отряд авроров, их командир выслушал показания хозяина особняка, что он не имеет претензий к нападавшим, появилась бригада медиков, забравших шестерых раненых и долго

колдовавших над слегка поджаренным Жан-Клодом и моим бессознательным телом.

Услышав, что я только что первый раз в жизни убил человека, и посмотрев на оставшиеся после моего заклинания фрагменты, главный медик не стал приводить меня в чувство, а попросту залечил все раны и оставил целую батарею успокаивающих и снотворных эликсиров. Распрощавшись с хмурым Делакуром, авроры и медики отбыли, за ними в воздухе летели два запаянных в магловские пластиковые мешки тела.

Сам Делакур, недолго думая, вызвал прибежавшую из женского крыла Флёр, поручив ей роль сиделки при моем залатанном теле, и отправился отдыхать — получивший немалые повреждения от огня организм аристократа тоже был на пределе.

Очнувшись спустя пару часов, я увидел прекрасную девушку, сидевшую в кресле возле моей кровати.

— Знаешь, это становится уже традицией — я в постели, в бинтах, и ты в кресле с книгой. — Я постарался улыбнуться девушке.

В следующий миг в моей многострадальной голове всплыл образ разорванного на две части тела, падающего на ковер в коридоре в окружении брызг крови. Резко побледнев, я схватился руками за горло. Желудок совершил какой-то жуткий кульбит.

— Гарри, что с тобой! — Флёр бросилась ко мне, вытаскивая палочку.

С трудом справившись с приступом рвоты, я смог только просипеть: — Тошнит...

Девушка, явно владевшая исцеляющей магией гораздо лучше меня, что-то тихо прошептала, после чего вцепившиеся в желудок спазмы начали постепенно затухать. Я обессилено откинулся обратно на подушку, все еще сотрясаясь от дрожи, пронизывающей все тело.

— Я убил человека, Флёр. — Ни капли осуждения в прекрасных глазах. Только мягкое свечение искреннего чувства, согревшее меня ласковым теплом. Приступ страха, что она в ужасе отшатнется от пусть невольного, но убийцы, исчез без следа.

Невольно мне вспомнилось происходившее все годы моей учебы в Хогвартсе. Как бы отреагировали ученики и даже мои так называемые «лучшие друзья», узнав, что я убил человека, пусть и защищаясь... Слава очередного Темного лорда и всеобщая травля были бы мне обеспечены со стороны этих выросших в тепличных условиях и не представляющих себе, что такое война детей. Наверное, слишком сильно подействовали на меня события конца учебного года.

Мягкие ладошки начали разминать мои плечи, прогоняя напряжение. Я расслабился, поддаваясь такому незнакомому для меня чувству, что обо мне заботятся. Протянув руки, я осторожно привлек к себе самую дорогую для меня девушку на свете, поцеловав приоткрывшиеся губы.

17 июля 1995 года. Архивный отдел Министерства магии Англии.

Курт Вайпрехт, скромный чиновник отдела магического транспорта Министерства магии Англии, сидел в архиве. Выданных ему через третьих лиц денег заказчика вполне хватило на то, чтобы получить доступ к закрытому архиву Министерства — дежурный архивариус точно так же любил золото и не был доволен своей зарплатой.

Папка за папкой бегло просматривались подслеповатыми глазами Курта и откладывались в сторону. Заказчик потребовал получить копию, а лучше всего — оригинал завещания семьи Поттеров. Были у Вайпрехта некие подозрения о том, кто мог быть заказчиком, но он, по здравому размышлению, отложил их подальше и не вспоминал, чтобы ненароком не получить такие проблемы, с которым бы потом не справился. Опять же, деньги ему пообещали такие, что с лихвой перекрывали весь риск — отдельной статьёй тяжелый мешочек «на расходы», отдельно — приятно позвякивающий аванс. Курт любил деньги, дававшие пожилому, невзрачному чиновнику хотя бы на время ощущение власти и вседозволенности. Так что уже второй час он копался в старых бумагах в поисках нужного документа. Дежурный архивариус, Алекс Бродвин, мелкий, щуплый очкастый паренёк, бегал от входа в архив к комнате, где засел Курт, то боясь, что кто-то их застанет, то вспоминая про сохранность вверенной ему картотеки.

Наконец Курт раскрыл очередную толстенную папку, где среди прочих бумаг лежало завещание семьи Поттеров, написанное, судя по дате, за две недели до их смерти. Убедившись, что завещание подлинное, Курт подивился на стоявшие в углу листа росписи министра и главы Визенгамота о засекречивании материалов этого дела. Впрочем, прочитав собственно завещание и удовлетворив неумное любопытство, Вайпрехт понял, что дело стоит всех обещанных ему денег. Стопка с материалами Поттеров была тут же аккуратно уменьшена и спрятана Вайпрехтом в карман, а исходная большущая пыльная папка — аккуратно зашнурована ловкими умелыми пальцами чиновника, будто ничего из нее и не извлекалось.

Развернувшись лицом к прибежавшему убирать папки Алексу и дождавшись, пока он унесет все по местам, Курт бросил ему через полкомнаты маленький позвякивающий мешочек, одновременно другой рукой вытаскивая палочку.

— Спасибо, господин Вайпрехт! — и одновременно с этим прозвучало:

— Confundus! Obliviate! Stupefy! VingardiumLeviosa! — Упавшее бессознательное тело дежурного архивариуса со стертой памятью прошедшего вечера, было мягко уложено левитацией на диван, а довольно улыбающийся чиновник отправился домой, чтобы сообщить агенту заказчика, что необходимая папка находится в его руках.

Спустя пару часов после написанного им письма, Курт направился в условленное место, где в обмен на вытащенную из кармана уменьшенную папку, бегло просмотренную агентом, получил пухлый мешочек, набитый золотыми монетами.

Большая игра, крошечным винтиком в которой послужил скромный чиновник, началась. Материал, обнародование которого могло доставить множество проблем даже самым серьезным политическим игрокам Англии, вместе с агентом отправился во Францию, к способному распорядиться этим богатством политику, в кои-то веки решившемуся на честную игру со своим партнером.

Семнадцатого июля за завтраком улыбающийся Жан-Клод с невинным видом сообщил мне невероятно «обрадовавшее» меня известие: через три дня, в четверг, его жена будет давать в поместье бал по случаю своего дня рождения. Естественно, как от гостя дома Делакуров, от меня ожидали присутствия на этом достойном мероприятии, а также посильную помощь в его проведении. Даже того, что я успел выучить на уроках этикета за полтора месяца, было достаточно для понимания — меня ожидает настоящая каторга. Однако явно специально севшая сегодня напротив меня за столом Флёр пронзила меня настолько жалобным и умоляющим взглядом, подействовавшим на меня словно удар в самое сердце, что я, естественно, согласился, вызвав радостную улыбку и обещание достойной награды, донесшееся до меня через нашу эмоциональную связь.

С видом не ждавшего иного ответа человека, политик сообщил, что в таком случае все мероприятия на сегодня откладываются до дня окончания бала, а мне предстоит новая встреча с кутюрье. Полученные мной от учителей знания не позволили спросить, а почему бы мне не ограничиться уже имеющимися у меня сменами одежды — бал предстоял крупный, а значит, одежда должна быть сделанной специально для него...

Кутюрье Анри, в тот же день пришедший в поместье, на сей раз не принес с собой практически ничего из готового платья. Вместо этого вслед за ним в комнату влетел немаленьких размеров штабель из рулонов ткани, а также множество поблескивающих острой сталью инструментов.

Следующий час я провел так, словно оказался на тренировке Киарана — я наклонялся, прогибался, махал руками и ногами, приседал и вставал, а несколько портновских метров измеряли неведомые мне параметры, чем-то напоминая давнишний визит в магазин Олливандера. Правда старый мастер всегда отправлял измерять клиента всего одну линейку, кутюрье Анри же спокойно запускал и контролировал работу двух-трех. Причем успевал записывать все сделанные измерения, вызвав у меня глубочайшее уважение такими способностями к телекинезу. Наконец, удовлетворившись достигнутым, Анри еще раз тщательно всмотрелся в мои глаза, уточнил, не собираюсь ли я менять цвет контактных линз перед балом, а потом принялся за работу.

Я сидел в соседнем кресле, и увиденное мной чем-то напоминало работу магловского конвейерного производства. Видимо, кутюрье не опасался доверять часть работы домашним эльфам, так что, расчертив на тканях какие-то сложные формы, — как он сам мне объяснил, фрагменты моей будущей одежды, — он откинулся в кресле, позволяя маленьким ушастым существам портновскими ножницами аккуратно вырезать все заготовки.

После чего Анри, взмахнув палочкой, без всяких заклинаний, только лишь прямым мысленным контролем, начал поочередно сшивать куски, постепенно открывая моему взгляду длинный фрак. Я смотрел, как, повинаясь жестам его тонких, вытянутых пальцев, иголка танцует вдоль стянутых магией в одно целое висящих в воздухе кусков ткани. И магия постепенно освобождала заготовки, уступая место обычным ниткам. Домовые эльфы, пара которых постоянно крутилась вокруг него, точно так же не стояли без дела, всю работу ножницами и иглами с серебристыми нитями. Видимо, вышивку мастер мог доверить слугам.

Пользуясь свободным временем, я начал вспоминать обязанности, которые мне предстояло исполнить на балу. Во-первых, я обязан был вместе с Делакурами встречать гостей, а потом мы с Флёр разводили наиболее высокопоставленных из них по залу, предлагая им кресла возле небольших столиков, каждый из которых был рассчитан на определенную дружественную семью, после чего, обменявшись парой дежурных фраз, должны были идти обратно, чтобы встретить еще одну группу приглашенных. Во-вторых, сразу же после открывающего бал танца Жан-Клода и Мари Делакур шел наш танец, отрабатывать который до совершенства мне предстояло по вечерам все три дня — хотя этот танец я уже знал, какие-либо ошибки были недопустимы. В-третьих, мы с Флёр должны были не только наслаждаться развлечением, но и развлекать гостей, то есть нам с Флёр предстояло постоянно перемещаться по залу и занимать беседой собравшихся, объединять по мере возможности одиночек в группы и тому подобное. Я подумал, что лучше б я еще раз встретился с Темным лордом на дуэли, — это было бы гораздо легче для меня, чем весь бал улыбаться, держать лицо и вести себя как достойный отпрыск аристократической семьи. Впрочем... Если я убью Лорда — мне предстоит восстанавливать славу и влияние рода Поттеров, а на таких приемах достигаются очень многие соглашения и зарабатывается немалый авторитет у аристократов.

Наконец мои размышления были прерваны завершившим первоначальную модель моего

костюма Анри. Кутюрье, помахивая палочкой, отправил ко мне белую кружевную рубашку, серые мягкие штаны, прошитые по шву серебряной нитью, серый же камзол из неизвестной мне ткани, довольно жесткой на ощуп, точно так же украшенный серебряным шитьем и мягкие невысокие кожаные сапоги.

Переодевшись под его требовательным взглядом, я подошел к зеркалу, после чего снова повторилась та же история: приседания, подъемы рук и ног, наклоны, прогибы и прочие изыски. В некоторые моменты Анри, бурча что-то себе под нос, исправлял незаметные моему глазу недочеты. Наконец, подгонка костюма была завершена, и, посоветовав мне заблаговременно озаботиться соответствующими часами, перстнем и цепью на шею, кутюрье отправился терзать своими линейками других членов семьи Делакур. Я же, передав эльфам подготовленный для меня костюм, направился в свою комнату, переодеться для визита в Гриннготс за деньгами.

В коридоре мы столкнулись с явно разыскивающим меня Джеймсом, который, отведя меня в библиотеку, сунул в руки небольшой томик истории своего рода, который я должен был прочитать и, по возможности, более-менее представлять. В общих чертах задумка Джеймса была в том, что я — сын его старшего брата Алана Бриттона, еще двадцать лет назад уехавшего в Австралию вместе с женой. Алан никогда не возвращался во Францию, да и сам род Бриттонов был не исконно французским, а скорее английским, так что даже хорошие знатоки родословных, которых было немало среди приглашенных, вряд ли смогли бы меня поймать на какой-то лжи. Я же, по версии Джеймса, Гарольд Бриттон, вернулся во Францию к своему дяде, чтобы здесь достойно завершить образование в Шармбатоне, сдать экстерном экзамены за четыре курса и продолжить обучение на пятом.

Также Джеймс принес мне портреты моих предполагаемых родителей — действительно, в чем-то похожих на созданную усилиями Мириам внешность, и я в очередной раз поразился предусмотрительности Делакура-старшего.

Наконец, забросив в комнату на постель книгу с историей рода Бриттонов, я отправился на поиски Флёр — не хотелось отправляться за статусными украшениями в одиночку, тем более с детства жившая в семье политика девушка знала гораздо лучше, что и в какой ситуации нужно надеть.

Осторожно постучавшись в комнату Флёр, я стал ждать ответа. Наконец раздались легкие шаги, и я с сильнее забившимся сердцем увидел радостно улыбнувшуюся француженку.

— Моя леди, разрешите пригласить вас на небольшую прогулку.

— Вы так этого хотите, месье? — девушка усмехнулась, принимая игру, и только в ее глазах читались такие желанные для меня нежность и тепло.

— Преданнейший поклонник, пораженный вашей красотой, просит не разбивать его сердце, страдающее от искреннего чувства, и составить ему компанию для визита в парижские ювелирные магазины.

Флёр засмеялась.

— Вижу, мой преданнейший поклонник освоил в совершенстве язык комплиментов. Подождите меня в гостиной, мой верный рыцарь, я скоро буду готова.

Спустя полчаса стук каблучков заставил меня оторваться от книги, которую я старательно штудировал, готовясь к следующему уроку Киарана. Флёр, как и всегда, была совершенно

очаровательна. Одетая в обтягивающее стройную фигуру изумрудное платье с узким вырезом, маленькие туфельки на низком каблуке, девушка о приковывала к себе взгляд. Струящиеся по плечам волосы, легкий румянец на щеках — мое сердце пропустило удар и забилося в груди, словно молот.

— Флёр, ты с каждым днем поражаешь меня все больше и больше. — Я поцеловал протянутую мне руку, удостоившись ласковой улыбки. — Каждый раз, как я думаю, что невозможно быть еще более красивой, ты снова меня удивляешь.

Смущенно улыбнувшаяся девушка, быстро поцеловав меня в щеку, подошла к камину, заклинанием разжигая огонь. Бросив в огонь Летучий порошок, я, на всякий случай окружая нас сферическим щитом, обнял девушку за талию и шагнул вперед, выкрикивая название магического кафе, находящегося в центре парижского аналога Косого переулка.

Едва мы появились, как я понял, что интуиция меня не обманывала — через два столика, лицом к камину, сидели небезызвестные мне люди. Наследник Риорданов и его друг, оставшийся тогда неназванным. Палочка мгновенно оказалась у меня в ладони, пока мое тело, помимо воли, заслонило собой еще не успевшую сориентироваться девушку.

Однако Доменик, к моему величайшему удивлению, подчеркнуто медленно вытащил из чехла на поясе палочку, демонстративно положил её на стол и, держа руки на виду, направился в нашу сторону. Флёр, наконец-то заметившая неприятных визитеров, ощутимо напряглась за моей спиной. Я успокаивающе погладил ее свободной рукой по плечу.

— Мисс Делакур, мсье, я хочу принести вам извинения, за случившийся между нами прискорбный инцидент и за его последствия. — Доменик поклонился.

Флёр осторожно вышла из-за моей спины, внимательно глядя на аристократа.

— Месье Доменик, я не держу на вас зла за произошедшее. — Доставшееся мне от крестража умение размышлять пришлось как нельзя кстати. Дальше в дело вступили вбитые учителями навыки.

— Позвольте представиться, Гарольд Бриттон. — При звуке моей фамилии, Доменик понимающе кивнул, — Джеймс был по-своему хорошо известен в магическом сообществе Франции.

— Доменик Риордан, — мы обменялись рукопожатиями. — Мисс Делакур, мсье Бриттон, позвольте представить вам моего друга и соратника, Анхеля Боргия.

Анхель, тот юноша, которого я оглушил в кафе, вежливо поклонился. Видно было, что он не слишком в восторге от перспективы раскланиваться с нами, которую ему навязал друг, но хорошее воспитание брало верх.

— Я тоже, в свою очередь, приношу извинения за произошедшее, мы с другом позволили себе выпить лишнего.

Новое рукопожатие, Флёр подарила каждому юноше очаровательную улыбку, хотя сама все еще была напряжена до предела.

— Господа, — я медленно приподнял руку, прерывая готовую начаться беседу, — к сожалению, мы с моей прекрасной спутницей спешим, но весьма вероятно, что вскоре мы встретимся с вами в Шармбатоне, где с этого года я буду учиться на пятом курсе. Очень рад был

познакомиться с вами.

Доменик и Анхель попрощались, возвращаясь за свой столик, а мы с Флёр пошли к выходу из зала.

Оказавшись на улице, Флёр облегченно выдохнула.

— Я думала, что сейчас снова будет дуэль... Видимо Маркус Риордан решил, что нанесенное роду оскорбление перекрывается фактом, что они всё еще живы, хотя вы с отцом вполне могли убить их всех во время атаки, и были бы в своём праве.

— Знаешь, не думаю, что меня это расстраивает. — Я вытер едва заметно вспотевший лоб платком. — Сейчас не то время, чтобы плодить лишних врагов. Хотя ради вашей улыбки, леди, я готов на все!

Ласковое прикосновение тонких пальцев к моей руке и ясный взгляд наполнили меня радостью.

Визит в Гриннготс и последовавший за этим продолжительный поход по ювелирным лавкам вымотали меня, как и всегда. Флёр оказалась невероятно требовательной во всем, что касалось необходимых мне аксессуаров. В конечном итоге, я стал счастливым обладателем тонкой золотой цепи на шею, серебряного перстня с оскаленной львиной мордой и изящных часов с эмалевой крышкой, изображавшей сюжет какого-то рыцарского романа: девушка, бросающая из окна платок, и стоящий на колене юноша в рыцарских доспехах. Впрочем, по сравнению с суммой, заплаченной за консультацию Цимуса, стоимость покупки показалась мне совершенно несерьезной.

Вспомнив про Цимуса и Арратайу, я чуть улыбнулся — я так и не сказал Флёр, во что мне обошлась их помощь, помимо крови единорога. Флакон, в который я собрал свою кровь, был уже давно доставлен с помощью совиной почты в замок Цимуса, вместе с тускло мерцавшим фиалом крови единорога.

В одной из лавок мое внимание привлекла небольшая золотая подвеска в виде вставшего на дыбы единорога, косившегося на окружающих глазками из маленьких сапфиров. Воспользовавшись тем, что Флёр рассматривает витрину с какими-то кристаллами в дальнем углу лавки, я тихо показал торговцу на кулон и, стараясь не шуметь, выложил на стойку требуемую сумму. Сунув украшение в карман, я вместе с Флёр вышел из лавки.

Присев за столик в том же кафе, где в прошлый раз состоялась небольшая... дуэль и удостоившись укоризненного взгляда от узнавшего нас хозяина, мы приступили к обеду. Дождавшись удобного момента, я взял ладошку Флёр и осторожно положил в нее золотого единорога. Убрав руку, я смотрел на то, как девушка, без всяких слов понявшая тайный смысл моего подарка, прикрепляет его к цепочке, обвивавшей изящную шею. В то же время в глазах девушки и в воспринимаемом мной эмоциональном фоне, я читал то, чего мне так не хватало для счастья.

— Знаешь, я думаю, что этот разговор несколько преждевременен, но... — Я запустил руку в волосы, собираясь с мыслями. — Недавно я говорил со своим крестным по Сквозному зеркалу. И спросил его о том, когда мой беспутный Сириус решит остепениться и продолжить славный род Блеков, раз уж он теперь глава рода.

Флёр внимательно слушала меня, пока еще не улавливая, к чему я клоню.

— Сириус сказал мне одну вещь... Что до тех пор, пока жив Темный лорд, он не хочет рисковать судьбой других людей. Статус противника Лорда делает его мишенью. Ч-ч-черт, я все не так говорю. — Я снова взъерошил волосы. — Тогда я подумал, что он совершенно прав, ведь я точно так же — заложник своего положения, одна из главных целей Лорда в грядущей войне.

Девушка смотрела на меня так, что у меня сердце разрывалось от боли, и я поспешил продолжить.

— Но потом, в один из вечеров, читая взятую в библиотеке книгу, я нашел там изречение какого-то философа о том, что в годы испытаний и войн нельзя отказывать себе в радости жить, потому что никакого «после» очень часто может уже не быть вовсе... — мой голос окреп.

Достав палочку, я описал ей в воздухе круг, шепча заглушающее заклятье Muffliato, в которое вложил максимум возможной силы. Явственно загудевшая сфера тишины окутала нас.

— Флёр, я не знаю, но надеюсь и приложу все усилия, чтобы пережить эту войну и победить Лорда. Ты дала мне то, чего мне не хватало все эти годы — искреннее чувство, на какое я не смел даже надеяться, думая, что недостойн такого счастья. — Сейчас я мысленно благодарил Арратайу, оставившую мне часть умения думать, извлеченную из крестража.

Я взял за руки свою любимую.

— Когда мне исполнится шестнадцать лет, и я получу статус совершеннолетнего, я хочу просить у Жан-Клода твоей руки. Ты выйдешь за меня замуж, любимая? — В первый раз я смог произнести это слово вслух.

Поднявшая наконец глаза Флёр смотрела на меня так, что у меня просто захватывало дух, и я пообещал самому себе, что не обману того доверия и любви, которые читались во взгляде француженки... моей любимой.

— Да, — с таким счастьем это было произнесено, что меня тоже подхватил разделяемый сейчас с девушкой поток эмоций. Медленно и бережно я поцеловал маленькие ладошки, будто скрепляя наше тайное соглашение. Золотой единорог в вырезе её платья, символ нашей любви, хитро подмигнул мне сапфировым глазом.

Вернувшись домой к ужину, мы встретили в гостиной Мари и Жан-Клода, отдающих указания по подготовке к балу. Оценив приобретенные мной вещи, Мари легонько подтолкнула Жан-Клода, взглядом указывая на лицо дочери. Только приобретенная наблюдательность позволила мне заметить этот краткий невербальный диалог родителей моей любимой. Сев за стол, я перехватил направленный на кулон и на лицо Флёр взгляд её отца. Он вопросительно приподнял бровь, стараясь, чтобы это заметил только я один. И я точно так же чуть заметно кивнул. Слегка приподнявшаяся правая ладонь политика, с поджатым безымянным пальцем, на котором сверкнуло обручальное кольцо, отразив луч света от одного из светильников в мою сторону. Пальцы моей правой руки, которыми я потянулся к вилке, на секунду сложились колечком одновременно с еще одним утвердительным кивком. Спокойная улыбка политика и его кратчайший взгляд в лицо кивнувшей Мари были мне ответом. Без единого слова вопрос был поставлен на рассмотрение, обсужден и решен в мою пользу, хотя со стороны казалось, что мы были поглощены как и всегда неподражаемо вкусным ужином, приготовленным эльфами. Хотя такое вот стремительное разрешение вопроса явно подтвердило моё подозрение, что Делакур всё спланировал заранее. Впрочем, я не был на него в обиде за это, думаю, понятно, по каким причинам.

<http://tl.rulate.ru/book/69499/1848524>